

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

Четыре года минуло, как Васильевна попала в больницу с инсультом. Ещё тогда врачи обнадёжили, да и сама верила, что со временем полегче станет, чтобы хотя бы до умывальника самой добираться. Но месяц шёл за месяцем, а улучшения не намечалось. Уж сколько надежд растаяло, сколько было дум передумано, но как сразу не смогла встать на ноги, так и по сей день приходилось мириться с болезнью. А ведь как хотелось бы в церковь сходить, или к родственникам в деревню съездить, или хотя бы до лавочки у подъезда добраться. Пять минут побыть на вольном воздухе. Больше и не надо — чего зря людям глаза мозолить. Но и минутки она не была на улице за четыре года. Только и знала, что творится там, через своё зеркало.

Улочка у них тихая, без магазинов, и за все эти годы Васильевна изучила всех прохожих, потому что все они жили в одном с нею доме. Когда-то она знала всех жильцов по именам, потому что вместе с ними работала в одном вагонном депо, но потом ровесники подобралась, а молодых разве упомнишь... Зато знала, кто пойдёт, когда, с кем — весь тротуар как на ладони. И не беда, что всё виделось отрывочно, не до конца, но и это занятие отвлекало от тяжёлых мыслей, от сознания своей беспомощности и, чего скрывать, ненужности. Как она устала от этого! И дочь, конечно, устала. Хотя ничего не говорит, но по ней видно, что страдает. Даже исхудала в последнее время, особенно когда поменяла работу, чтобы побольше с матерью находиться, потому что на мужа надежда плохая, а о сыне и говорить нечего. Двенадцать лет. Только и помощи от него — принести бабушке попить, когда никого нет. Поэтому, что ни говори, пользы теперь от Васильевны никакой — сплошная морока. Это только здоровая да сильная всем была нужна, даже старшим сыновьям до последнего дня помогала. А сейчас редко когда придут: и один, и второй. Хотя бы забрали к себе на месячишко — дали сестре отдохнуть, но нет — не заикнутся — жён берегут. Те, когда в гости придут, внимательные, конечно, — чего зря говорить, — но ведь нетрудно побыть

внимательной час, другой. Вот попробуй-ка день за днём! Может, поэтому дочь и ремонт затеяла, чтобы хоть как-то сменить обстановку. Правда, Васильевну это всё равно обижало. «Ремонт, значит, им дороже. Спешат куда-то? Вот померла бы – тогда и делали, что хотели», – думала она, поневоле обижаясь на всех.

Дочь и прежде заводила разговор о ремонте, но всё равно известие о нём застало Васильевну врасплох.

– Всё, на следующей неделе начинаем! – однажды сказала Лена, протирая от пыли зеркало, и укорила: – Сколько будем держать эту рухлядь?! Ты бы посмотрела, как сейчас люди живут!

– Куда уж мне...

– Жалко, что не можешь... Даже наши соседи-пенсионеры жалюзи на окнах повесили! А подруга евроремонт сделала!

– Это Настя, что ли? Она ведь в банке работает. Разве за ней угонишься. Ты, может, такой же хочешь?

– Были бы деньги – сделала, – вздохнула дочь, – а пока обойдусь чем-нибудь поскромнее... Ведь для тебя стараюсь – пятый год лежишь! Самой-то не надоело на одно и то же смотреть?!

– Привыкла, – вздохнула Васильевна и не стала более говорить на эту тему.

По опыту знала, что в такие минуты лучше промолчать, притвориться спящей – тогда дочь сразу оставляла.

Васильевна закрыла глаза и действительно захотела, чтобы Лена ушла, потому что подступали слёзы, а показывать их не хотелось, и удержать не хватало сил, которых и без того почти не осталось даже в её крупном теле. За дородность Васильевну редко называли по имени – всегда по отчеству. И пошло это от её покойного мужа, не удавшегося ростом, и поэтому, наверное, всегда называвшего её вроде бы уважительно, но с оттенком едва заметной насмешливости. Это передалось и детям, статью уродившимся в отца и во многом сохранившим его привычки. Даже невысокий зять словно специально подыскался под их семью...

Выплакавшись, Васильевна немного успокоилась, привычно заглянула в зеркало, словно за короткое время на улице могло что-то измениться. Ничего там, конечно, не изменилось: всё тот же распускающийся куст черемухи, полоска асфальта и угол здания, за который убегал тротуар... Меняются лишь времена года да одежда на людях, в зависимости от сезона.

Ремонт начали с кухни. Зять два дня настилал какой-то особенный пол, а старый линолеум отвёз в гараж. Хотя дочь и объяснила, как будет выглядеть кухня после ремонта, но Васильевне всё равно трудно было представить. Прежде-то, когда сама хозяйничала, каждый уголок знала, каждую занавесочку, а теперь вместо занавесок собрались жалюзи цеплять. Ей хотя и объяснили, что жалюзи – это полоски из лёгкого металла, но как она ни пыталась представить – всё-таки в глазах стояли рогожи; и было ей не понять, как это можно на окна рогожи вешать?!

Но слушать её никто не захотел, а если она и высказывала свои замечания, то, соглашаясь, всё-таки делали по-своему. Как, например, просила буфет не выбрасывать, а всё равно выбросили – мол, места много занимает! А ведь какой был удобный: что ни убери – под руками не мешается. Нет, сделали по-своему: вместо буфета полочку итальянских навешали. Дочь с кем по телефону ни поговорит – всем об этих полках рассказывает. Будто ничего на свете важнее нет. И ещё об решётках на окна: мол, надо бы поставить, а то – первый этаж, от греха подальше... А Васильевна как услышала о решётках, то вздрогнула: «Как в тюрьме теперь буду сидеть!»

После кухни начали ремонт в маленькой комнате. И там не обошлось без ревизии. Диван им не понравился! Мол, старомодный. Зато крепкий. Служил двадцать лет и ещё столько бы прослужил! Да разве они понимают. Им подавай современный, с американской обивкой, да раскладной – будто в комнате танцы устраивать собираются. А на вторую ночь их раскладной диван начал скрипеть на всю квартиру. А они и не замечают ничего. Будто так и надо. Или просто стыдно признаться, что ошиблись.

После ремонта в большой комнате, из которой, на счастье, ничего не выбросили, принялись за спальню, где обитала Васильевна.

– Вы хоть зеркало-то пожалейте, – попросила она дочь, когда зять начал выдергивать из стены крючки, на которых зеркало висело.

А Лена словно и не слышала, и ничего определённого не сказала, а словами «Всё нормально будет» показала нежелание прямо говорить о своих планах. «Бог с вами, – подумала Васильевна, – если уж мать родную слушать не хотите, тогда и говорить не о чем!» Теперь Васильевна более переживала не за дочь, а за зеркало, словно оно было живым существом. Досталось оно от старшей сестры, а той – в приданое было подарено матерью. Так что, считай, зеркалу лет семьдесят будет. А последние лет десять, как умерла сестра, оно висит у Васильевны – попросила у племянников на память. И не беда, что зеркало местами, особенно по краям, потускнело и завитка одного в резной раме не хватает. Главное – память

сохранилась! Как подумает Васильевна, что к зеркалу руки матушки прикасались, то невольно слёзы на глазах проступают, хотя к старости она и без того не в меру слезливая стала. Иногда даже при дочери не сдержится, а та, как увидит слёзы, то сразу строго посмотрит и стукнет кулачком по тумбочке: «Перестань сейчас же!» Через силу, со вздохом, Васильевна послушается, да и как не слушаться, когда вся жизнь теперь зависит от неё. Иной раз рада бы каприз показать, а приходится молчать, слезьми умываться.

Хотела Васильевна повторить просьбу, но сразу не решилась, стала дожидаться лучшего момента. А он не подходил, даже вслед за зеркалом и её «турнули» из спальни. Зять кое-как перевёз на одеяле в большую комнату, уложил на новое место и сказал, что это только на время ремонта. Так что, пока они делали в спальне ремонт, пришлось глазеть в пустой потолок. Иногда, забывшись, она привычно поворачивалась к стенке, чтобы посмотреть в зеркало, но зеркала здесь не было, а без него – самое обидное – она не знала, что происходит на улице. Пока лежит здесь, и черёмуха отцветёт, не увидишь как. Черёмуховый куст каждый год нещадно обламывали, но весной он всегда зацветал вновь и вновь. Ещё до ремонта на черёмухе обозначились зелёные кисточки будущих цветов, которые через неделю должны превратиться в белую кипень. Васильевна всю зиму ждала момента, чтобы полюбоваться этой благодатью, но теперь разве что увидишь. «Эх, к окну бы подойти, своими глазами посмотреть на мир божий!..» – вздыхала она. – Илюша, сынок, – попросила Васильевна внука, когда тот пришёл из школы.

– Посмотри – не зацвела ли черёмушка?

– Нет, бабушка... Я только что мимо проходил.

– А кисточки-то, наверное, набухли?!

– Нет, бабушка, пока рано.

На какое-то время она успокоилась, а когда внук пообедал, попросила повторно:

– Принёс бы веточку – уж так хочется понюхать!

– Вот когда зацветёт – тогда большой букет принесу!

– Я бы пока и веточке порадовалась...

Её настойчивость внуку явно не понравилась, но просьбу всё-таки исполнил: прежде чем пойти гулять, вернулся в квартиру и отдал бабушке пахучую веточку, которую она потом держала в здоровой руке до самого вечера.

На следующий день внук сам предложил:

– Бабушка, ещё веточку хочешь?

– Спасибо, дорогой мой, вот когда черёмушка зацветёт, тогда и принесёшь, а сейчас посмотри, куда убрали моё зеркало! Может, в ванную поставили?

– Здесь нет! – посмотрев, крикнул внук.

– Тогда в маленькой комнате!

– Здесь тоже не видно...

– А за дверью?

– Я везде посмотрел – нигде нет... – развёл он руками.

Внук видел, что бабушка расстроилась, хотел успокоить её, но она попросила пить, словно не о чем было попросить.

– Поставь чашку на тумбочку и иди уроки делать, – сказала она, когда он принёс воды, – а то мама жаловалась, что ты плоховато стал учиться.

– Выдумывает! У меня только одна троечка в четверти, а она трагедию из этого делает! – фыркнул внук, неожиданно покраснел от обиды и всё-таки отправился делать уроки.

Васильевне в этот момент было самой до себя.

Она, как могла, крепилась, но слёз всё-таки от подступившей обиды не сдержала, потому что дочь не выполнила обещания – выбросила зеркало! Что ей стоило послушаться, ведь недолго осталось терпеть! От этой мысли с Васильевной что-то произошло... Она не поняла сразу, что именно, но когда тоска совсем одолела, догадалась, что не хочется жить... Впервые в жизни! От этого сделалось и вовсе плохо, не хотелось ничего ни видеть, ни слышать. Она словно окаменела. Утро не принесло никакого облегчения. Ей надо бы самой поговорить с дочерью и зятем – развеяться, но тем не до неё. Они спешили в выходной закончить ремонт, а Васильевна постоянно мешала им, когда они что-нибудь передвигали или перетаскивали с места на место. Она это очень хорошо чувствовала.

На следующий день её перевезли на старое место. Спальня, конечно, покультурнее стала, обои весёлые, а настроения они всё равно не прибавили. Нет-нет да смотрела она на то место, где прежде висело зеркало, а его будто и не было никогда.

«Вот дождусь, когда черёмушка зацветёт, и помру!» – решила Васильевна.

Она теперь не хотела говорить с дочерью и ни о чём просить её. Только по два-три раза на дню спрашивала у внука, не зацвела ли черёмуха, но тот всякий раз отнекивался, и Васильевна устала ждать. На третий или четвёртый день, когда ей всё окончательно надоело, внук неожиданно вернулся с букетом. Хотя черёмуха не полностью расцвела, но запах сразу наполнил квартиру.

– Вот и дождалась! – радостно сказал внук и поставил вазу с букетом у Васильевны в изголовье.

Васильевна вздрогнула от его слов, подумала, что пришла пора помирать, и ей захотелось побыть одной, чтобы вспомнить всю свою жизнь. Вспомнить, как, ещё до войны, сперва попав из деревни под Шатуру на торфоразработки, приютилась в Москве, вспомнить, как наравне с мужиками горбатилась на железной дороге, как заработала ревматизм в моечном цехе... Это лишь перед пенсией выучилась на оператора газовой котельной, а так всегда на самых тяжёлых и грязных работах, и всегда не доедала, не досыпала – лишь бы были сыты и ухожены дети и муж... И вот не заметила, как жизнь пролетела: дети выросли, муж давно помер, и никому теперь, больная, стала не нужна.

Внук всё не уходил и не уходил, словно кто-то заставлял его торчать рядом.

– Как букет завянет – новый принесу! – пообещал он и добавил: – Скоро папа зеркало установит, тогда тебе опять станет хорошо!

– Какое ещё зеркало?! – переспросила она, будто ослышалась.

– Твоё... Оно сейчас у папы в гараже. В следующий выходной он новую завитушку сделает и свежим лаком раму покроет...

– Откуда ты знаешь-то?! – от неожиданности она вся задрожала и прослезилась.

– Он маме говорил...

Васильевна слабо потянула к себе внука, хотела сказать что-нибудь ласковое, но лишь сильнее заплакала, а тот не знал, что делать, и растерянно смотрел на бабушку, ничего не понимая.